

Blaumachen

**Декабрь 2008, Греция: сила и
ограниченность нашей борьбы**

Оглавление

«От государственной границы до полицейского участка — демократия убивает везде» (надпись на стене)	4
«Мы — это картина из будущего» (надпись на стене)	5
«Они разоряют наши жизни... мы разорим всё, чтобы вернуть себе наши жизни» (надпись на стене)	7
«Назад туда же? — Ни за что, хоть стреляйте!» (надпись на стене)	9
«Up against the wall motherfuckers! We've come for what's ours...» (заголовок листовки)	10
«Эти дни принадлежат Алексису» (надпись на стене)	11
«Это также и наши дни...» (из листовки албанских иммигрантов)	13
«Всеобщее Собрание Восставших Рабочих»	15
«Канальи, дни вашего общества сочтены, мы взвесили его прелести и его правоту и нашли их недостаточными» (выдержка из листовки)	18
О Blaumachen	20

Несмотря на то, что государство и спектакль пытались представить декабрьские события 2008г. как обычное «восстание молодежи», которая в силу природной чувствительности своего возраста имеет полное право противостоять миру старших, для нас очевидно, что в этих событиях есть нечто, что делает их самыми важными для Греции за последние 35 лет. Декабрь был восстанием меньшинства рабочего класса, выживающего в этом уголке мира. Своими действиями это меньшинство подвергло критике современные общественные отношения, работу, товар, государство. Эта критика — разрушительная и, вместе с тем, созидательная — имела однозначный антикапиталистический вектор и не содержала ни капли реформизма, она была выражением жажды преодоления капиталистических отношений.

«От государственной границы до полицейского участка — демократия убивает везде» (надпись на стене)

«Remember, remember the 6th of December» написал кто-то на одной стене в Афинах. В тот вечер и ещё несколько дней спустя тысячи молодых пролетариев говорили языком действия: нападали на копов и полицейские участки, поджигали банки, крушили и грабили магазины, разоряли офисы кадровых агентств и здания министерств и торгово-промышленных палат, захватывали университеты, мэрии и другие государственные учреждения. На улицах восставших городов слились воедино школьники, среди которых было немало иммигрантов второго поколения, студенты, молодые рабочие и безработные, местные и приезжие, люмпен-пролетарии и «стабильные» работники. В развёртывании мирового капиталистического кризиса восстание проявило «твёрдую убеждённость молодых людей, что их будущее было украдено» (как верно отметил в своём интервью Майк Дэвис). Декабрь не был простым движением против полицейского произвола или репрессий. Почему именно репрессивный механизм оказался мишенью пролетарской атаки можно понять, только если мы рассмотрим контекст того злосчастного выстрела. Убийство Александроса Григоропулоса было единичным проявлением сущности современного государства, вынужденного обрушивать всё большие репрессии на пролетариат, который становится всё труднее «интегрировать» в сегодняшнее капиталистическое общество. И уж тем более Декабрь не был движением против нынешнего правительства — действия восставших вызревали из самой уебищности повседневной жизни¹ и были направлены против всего капиталистического мира и нашего будущего, порабощенного им.

¹ «Отомстить не только за смерть Алексиса, но и за тысячи украденных у нас часов на работе, за тысячи моментов унижения в кабинете начальника, за тысячи моментов сдерживания нашего гнева перед «требовательным» клиентом-ПРИДУРКОМ! За наши мечты, которые воплотились в рекламе, за наши идеи, которые стали правительственной политикой и избирательными бюллетенями, за нашу жизнь, которая непрерывно изнашивается, за нас самих, которых видим обращающихся в тени в одной и той же повторяющейся повседневности . . .» — писали в те дни два работника одного торгового центра в Афинах.

«Мы — это картина из будущего» (надпись на стене)

Декабрьское восстание имеет историческое значение, потому что действия, которые его составляют, требуют преодоления содержания прежней пролетарской критики этого мира. Декабрь это и есть современный кризис воспроизводства капиталистического отношения; социальный состав восставших и их практика сами по себе являются доказательством тупика капиталистического общества. Восставшие, вне зависимости от того, как их называет капитал (школьники, студенты, молодые прекаризованные (нестабильные) работники, иммигранты), — это пролетарии, и капитал не намерен гарантировать им какое-либо будущее. Их положение («no future») угрожает не только остальной части пролетариата, но и самому отношению «капитал-пролетариат».

Разрушительные практики, которыми характеризовался Декабрь, были распространены и социально и географически. Если бы продолжение и расширение этих практик было исторически возможно, то в этом случае встал бы вопрос уничтожения пролетариатом отношения «пролетариат-капитал». В этом смысле, Декабрь *показал* возможность уничтожения капитала в будущем, он был разрывом с историческим прошлым классовой борьбы. Уничтожение капитала, то есть уничтожение капиталистических классов и пролетариата в том числе, и производство новых прямых общественных отношений между людьми это и есть коммунизм. Производство нового мира может исходить только из разрушения старого, и никак иначе. Именно эту картину из будущего нес в себе Декабрь. Только разрушение зданий, средств производства, сетей распределения, каждой ситуации и каждого места которые поддерживают капитал, может создать условия для необходимости коммунизма. Только когда повседневная деятельность не отличается от мятёжной деятельности, только в этом случае проявляется перспектива уничтожения классов, то есть уничтожения работы и стоимости. Только полное разрушение городского ландшафта поставит под сомнение разделение времени на трудовую и прочую деятельность, разделение общественного пространства на территорию производства и территорию воспроизводства. Как писал Маркс в «Экономических рукописях 1857-61гг.»: *«Отношения между людьми проявляются как отношения между вещами, ибо меновая стоимость материальна по своей природе»*. Уничтожение стоимости неизбежно начинается с уничтожения вещей. Но только если это уничтожение станет всеобщим, если оно достигнет такого уровня, что новый способ жизни человека будет элиминировать его пролетарское положение, только тогда реализуется возможность коммунизма. Коммунизм это не «экспроприация публичного пространства», это не «равное распределение» продуктов, которые были произведены внутри капитала, это не «самоуправление»

заводами, которые не могут быть ничем иным кроме мест воспроизводства стоимости. Но коммунизм также и не может быть одним насилием, войной с государством, разрушением зданий. *Новые отношения заключаются в генерализации коммунистических мер, необходимых не только для продолжения борьбы, но и для продолжения жизни.* Коммунизация — это соединение всех коммунистических практик, исходящих из потребностей конфронтации с капиталом, и генерализация их до того предела, который делает всякое возвращение назад невозможным. Коммунизм есть исторический результат этого процесса — не «самоуправление производством», а уничтожение разделения жизни на производство и на воспроизводство; не «экспроприация публичного пространства», а уничтожение разделений, навязываемых урбанистическим пейзажем. Восстание Декабря приобщилось к этому будущему, но затем остановилось. Содержание классовой борьбы после окончания восстания трансформировалось и вернулось к требованиям. Всякая пролетарская попытка, в процессе которой выживание не отождествляется с продолжением борьбы против всякой формы проявления капитала, неизбежно вновь преобразовывает отношение «капитал-пролетариат»; она (попытка) обречена потерпеть поражение, так как все её достижения будут находиться внутри капитала. Коммунизация — это не защита организации альтернативного способа жизни; коммунизация не защищается, она *продолжается*. Коммунизация не может быть чем-то иным, кроме как самокритикой революции, то есть революцией против её замедления, против контрреволюции; это революция внутри революции.

«Они разоряют наши жизни . . . мы разорим всё, чтобы вернуть себе наши жизни»

(надпись на стене)

Восставшие пролетарии не составляли никаких петиций, у них не было никаких требований, ведь *«они ежедневно испытывают на себе отказ господствующего класса удовлетворить любое из этих требований»* — как было написано в одной листовке захватчиков АСОЕЕ[афинский экономический университет; находится в центре города — прим. пер.]. Декабрьские дни красноречиво показали, что кризис капитализма есть в тоже время и кризис политики. Восставшие разрушали и оккупировали государственные здания, то есть здания коллективного капиталиста и механизма воспроизводства, с которым они должны были искать компромисс, если бы вели борьбу с выдвижением требований. Атаки против государственных учреждений *были* отсутствием требований — это два облика одного и того же содержания. *«Отсутствие реформистских требований (и, следовательно, отсутствие всякой возможности управления протестом) — вот в чем заключен их подрывной элемент, а вовсе не в коктейлях Молотова или разбитых витринах»*, как верно отметил в том же интервью Майк Дэвис — masablogg.blogspot.com.

Непереговорный характер Декабря — это определено *разрыв* с массовым студенческим движением захватов университетских зданий 2006-2007гг. Это движение было прямым предтечей восстания, в нем выразился бунт определенной части молодых пролетариев — будущей высококвалифицированной рабочей силы, играющей заметную роль в греческом обществе, — против торможения воспроизводства своего социального положения. Студенческое движение было *требующим* движением (оно выступало за лучшую интеграцию квалифицированных работников), несмотря на возможные противоречия и внутренние конфликты, которые оно переживало. Мы, те, кто подписывается под этим текстом, будучи частью того движения и перед лицом его неспособности выйти за пределы университета, полагали, что какие-то конкретные требования могли стать (политическим) инструментом критики разделенности рабочего класса. Воспринимая атаку на воспроизводство класса как центральный пункт капиталистической реструктуризации, мы считали, что требование «социальной зарплаты» как отрицание связи нашего воспроизводства с работой могло бы сыграть эту объединяющую роль, и поэтому поддерживали это требование внутри движения. Восстание Декабря и наше участие в нём стало для нас *действительной критикой* этой позиции, так как показало, что раздробление пролетариата на конкурирующие между собой прослойки рабочей

силы преодолевается в момент совместной борьбы против капитала, т.е. в момент уничтожения пролетариата как класса капиталистического общества.

Отсутствие требований означало, в то же время, преобладание неформальных организаций, аффинити-групп, и это дало ощутимый результат: государство, сколько оно не искало, не смогло найти никаких представителей инсургентов и, что самое главное, не смогло сфабриковать некий орган представления, чтобы открыть путь для приручения движения. В каждом требующем движении по определению существует организация, выражающая помимо требований и его пределы. Например, забастовка с требованиями организуется профсоюзом или даже радикальным меньшинством, не связанным с профсоюзами; в любом случае, эти организационные формы берут на себя роль гаранта возвращения на работу (быть может даже против воли меньшинства, которое хочет продолжения стачки). Выступление, в основе которого лежит определённое требование, всегда организовывается какой-то партией (или политической средой). Главная роль этой партии или среды — определить вопрос (причины недовольства, что требовать, каким способом и т.п.), то есть определить исход борьбы как ставку этого определённого (конкретного) вопроса, что значит определить содержание и момент победы или поражения, то есть конец борьбы. На декабрьских событиях паразитировали разного рода приспособленцы, которые, вместе с теми, кто огульно осуждал восстание, пытались доказать, что только политический протест, а не якобы слепое насилие, может принести пользу; тем не менее, операция посредничества провалилась, так как посредники наткнулись на мятежников, отрицавших свою социальную роль и на практике утверждавших, что они прекрасно поняли, что для них больше не может быть никакой материальной «выгоды» внутри капитализма.

«Назад туда же? — Ни за что, хоть стреляйте!» (надпись на стене)

Оглядываясь назад, мы должны уяснить себе, что сделали восставшие мужчины и женщины¹ и чего они *не сделали* — то есть понять, в чем состоит ограниченность их действий и что они *смогут* сделать в будущем.

Из действий, указывающих на новый мир, (несмотря на все их противоречия и недостатки), мы бы отметили **освобождение товаров, антипрофсоюзное действие** (захват здания ГСЭЕ (Всеобщая Конфедерация Греческих Рабочих)), и **стихийные нападения школьников (лицеистов) на полицейские участки**.

Эти действия выражают то давление, которому подверглись стенки капиталистических отношений в самых устойчивых местах, и вместе с тем характеризуются исторической оригинальностью² в отношении Греции. Также стоит отметить относительно **большое участие иммигрантов**. Этот факт показывает, что разделения между пролетариями преодолеваются только в момент борьбы против капитала.

¹ Во время уличных действий было невозможно отличить «мужские» роли от «женских»; кроме того, в поточных аудиториях женщины перебивали агрессивных вожаков-мачистов, когда те пытались навязать крутизной свою точку зрения и тактику.

² Насколько мы знаем, погромов такого масштаба не было со времён гражданской войны. В более ограниченном масштабе разграбления имели место в июльских событиях 1965г. и в ноябрьском восстании 1973г., а также во время лицейского движения 1991г. Что касается критики синдикализма, то она никогда раньше не была выражена столь радикальным образом.

«Up against the wall motherfuckers! We've come for what's ours . . .»

(заголовок листовки)

Практика ограблений имела место главным образом в Афинах, в меньшей степени в Салоники и ещё меньше в провинции. Она стала основным скандалом Декабря. Журналисты и политические посредники всех цветов могли некоторое время терпеть и «оправдывать» атаки против полиции и акты вандализма, но никак не эту пролетарскую атаку против частной собственности. И, тем не менее, в наше время нет ничего естественнее прямой экспроприации, когда зрелище щедро раздаёт обещания потребительского счастья и одновременно отнимает у пролетариев средства для выполнения этих обещаний.

Главную роль в ограблениях сыграли иммигранты, но участвовали не только они. Во многих случаях не только школьники, студенты, но и взрослые греки-пролетарии воспользовались скидками в 100%, которые предоставляло бессилие государства защитить частную собственность. Естественно, государство и СМИ попытались разделить восставших на манифестантов греков и на грабителей иммигрантов. Для многих иммигрантов это был единственный способ участвовать в восстании — пока полиция была занята, у них появилась возможность экспроприировать товары из магазинов их кварталов. В двух известных случаях несколько десятков иммигрантов появились из ниоткуда и опустошили все магазины одной торговой улицы. В других случаях имели место ограбления позади баррикад, во временно освобожденных от контроля полиции кварталах. Важно подчеркнуть тот факт, что грабежи начались в Афинах сразу после выстрела, в первый вечер восстания, и на следующий день начались в Салоники. Рекуперации включали широкий перечень товаров: от продовольственных продуктов и других товаров широкого потребления (медикаменты, мебель, одежда, горючее) до предметов роскоши, часть которых пошла на перепродажу. В некоторых случаях люди пытались взламывать банкоматы, чтобы заполучить наличку, но без успеха. Многие «трудящиеся криминальной отрасли» воспользовались благоприятной ситуацией и организовано обчищали ювелирные и другие «дорогие» магазины. Часто инсургенты после ограбления крушили магазины и оставшиеся товары. Это было отличным завершением их общего праздника; это означало, что хоть они сегодня и используют товары (лишая их меновой стоимости в большинстве случаев), но они против существования магазинов завтра.

«Эти дни принадлежат Алексису» (надпись на стене)

Подключение школьников к общей борьбе утром 8 декабря придало совершенно иной масштаб бунту, распространив его на все кварталы Афин и на большинство небольших провинциальных городов. В стихийных нападениях школьников на полицейские участки участвовало множество школьников-иммигрантов второго поколения. Неспособность государства вести широкую сегрегационную политику в образовании (во многих случаях школьники греки и иммигранты сидят за одной партой) и отсутствие урбанистической изоляции иммигрантов подобно той, что есть во французских пригородах, вынуждает иммигрантскую молодёжь действовать вместе с местными школьниками. Понятно, что лицеисты больше всех переживали убийство пятнадцатилетнего подростка как убийство одного из них.

Молодая поросль Греции отлично понимает, что ждет ее в будущем¹, она чувствует на себе ужесточение социальной дисциплины (закон против ношения капюшона, репрессии против молодёжных субкультур, постоянные ментовские проверки на улицах) и рационализацию механизмов отбора/исключения (греческое правительство за последние десять лет приняло много соответствующих законов²). С 2006г. чувствуется нарастание негодования в сфере образования (студенческое движение захватов университетов и продолжительная (шестинедельная) забастовка учителей), каждой осенью лицеисты оккупируют свои школы, в большинстве случаев без особого³ на то повода; лицеисты, попросту говоря, выражают таким образом свое нежелание быть школьниками и косвенно, захватами школ, сокращают продолжительность учебного года.

Эта бунтарская практика лицеистов во всеуслышание объявляет, что кризис воспроизводства капиталистической системы уже на пороге. Молодёжь

¹ Какие настроения разделяло большинство молодежи хорошо видно из этой школьной листовки: «Мы работаем, чтобы они могли жрать. Пора кончать с их сытым пузом и нашим голодом! Где то равенство, о котором твердит так называемая демократия? 600 евро базовой зарплаты — это и есть равенство? В этом их равенство и равные возможности? ЭТИ 600 ЕВРО ЭТО ТО, ЧТО ИХ ЖЖЁТ. МЫ ПУСТИМ ЭТИ 600 ЕВРО НА РАСТОПКУ ВАШЕГО МИРА, УБЛЮДКИ!!».

² В последние 10 лет был принят ряд последовательных законов в рамках реформы системы образования. Например, законом 2007г. число принимаемых в вузы значительно уменьшилось. В этом году был принят закон, которым дипломы частных колледжей приравняются к дипломам государственных вузов. (прим. пер.)

³ Захваты школ без выдвижения требований после грандиозного лицейского движения 1990 — 91г были обычной практикой все девяностые. Эта «приятная привычка» школьников прервалась на рубеже 20го столетия, когда государство перешло в контратаку, начав реструктуризацию образования при министре Арсенисе. Но вскоре все опять вернулось на свои места.

(будущие работники/безработные), прекрасно понимающая, что ей надлежит стать одноразовым трудовым ресурсом в *будущем*, в своем восстании отказывается от школьной или студенческой роли в *настоящем*. Отсутствие каких-либо требований обернулось для полицейских участков волной тотального разрушения. В сравнении с захватами школ это качественно новая практика. Быть может, сочетание полного отсутствия требований и интенсивность насилия против государства в первые дни восстания и было тем фактором, из-за которого в последующие дни захваты школ не получили распространения. Школьникам было тяжело возвращаться к обычной практике «потери уроков».

«Это также и наши дни . . .» (из листовки албанских иммигрантов)

Совместная повстанческая активность нестабильных греческих пролетариев и иммигрантов, которых капитал принуждает к прекаризации в самой грубой форме, означает преодоление национального разделения — одного из наиболее мощных орудий капитала для навязывания своего воспроизводства. Тот факт, что во французском движении 2005–2006гг. это разделение сыграло роковую роль, делает совместные действия греков и иммигрантов событием мирового масштаба. Первое поколение балканских эмигрантов, приехавших в начале девяностых, не участвовало в восстании; они в основной своей массе интегрировались в греческое общество, так как их ожидания (так или иначе, ограниченные) в определенном смысле оправдались. Но их дети, родившиеся уже в этой стране, ждут от жизни совершенно другого и им ясно, что эти ожидания никогда не будут удовлетворены и что в лучшем случае их ожидает жизнь их родителей¹. В школе эти молодые иммигранты хоть и не изолированы от остальных учащихся, но все же испытывают на себе расизм и унижения; они понимают, что для них лестница вертикальной социальной мобильности закрыта в первую очередь. Кроме участия иммигрантов-школьников из Балкан в агрессивных манифестациях в разных кварталах Афин, к манифестациям понедельника 8 декабря в центре города присоединились группы-банды иммигрантской молодежи. У них не было особенного намерения драться с ментами. Их главной целью стали банки и государственные учреждения, но при возможности они и не отказывались обчистить магазин-другой.

В беспорядках в Афинах участвовали также и иммигранты последней волны из Пакистана, Афганистана и Африки, которые ютятся в кварталах-гетто центра (около пл. Омонии) — люди обездоленные, лишние и исключённые от всего. С первых же дней эти пролетарии участвовали в столкновениях с полицией, проходивших в их районах, и обчищали магазины при первой же возможности. Они же напали на полицейский участок в Омонии², известный своими неоднократными случаями проявления жестокости к иммигрантам.

Конечно, сосуществование разных пролетарских фракций не всегда было идеальным. Многих иммигрантов пытались останавливать силой, когда те хотели экспроприировать товары (речь идет не о полицейском насилии). Так, во время захвата Афинского Политехнического Университета (Политехнион),

¹ Иммигранты рассказывали нам о конфликтах в их семьях между родителями и детьми, связанных с участием последних в демонстрациях.

² Омония: самая известная центральная площадь Афин. В прошлом, место скопления приезжих из провинции, а теперь — иммигрантов и наркоторговцев. Многие прилегающие кварталы стали гетто беднейших мигрантов из Азии и Африки. (прим. пер.)

в котором участвовали некоторые иммигранты, были довольно ожесточенные конфликты между некоторыми анархистами и приезжими. В некоторых случаях конфликты возникали из-за того, что экспроприаторы бездумно растаскивали товары, вместо того, чтобы поддерживать конфронтацию с полицией, благодаря которой у них и появилась возможность обчищать магазины. Нужно ещё отметить, что некоторые из участвующих в столкновениях, вместо того, чтобы присвоить себе экспроприированные товары, бросали их в огонь, подчеркивая тем самым их истинную потребительскую стоимость. С другой стороны, противоречивость практики ограблений проявилась и в других ситуациях, когда не стоял вопрос поддержания противостояния полиции (как это было, например, в понедельник 8 декабря). Были и такие «анархисты», которые выступили против «ворья», вместо того, чтобы использовать их ноухау. Они защищали «политическую чистоту» событий, то есть они мыслили и действовали уже с учётом того имиджа, который создастся о них после окончания восстания. Ответ государства на участие иммигрантов в восстании был ожидаемый: усиление репрессий, операция «Метла»³, депортации и подготовка строительства концлагеря в г. Аспропиргос. Тем не менее, поток иммигрантов усиливается, вдобавок к этому греческое государство сталкивается с бесчисленным множеством пролетариев, которые вынуждены пересекать территорию Греции из-за её географического положения. Яростный ответ сотен иммигрантов манифестациями в Афинах в 21 и 22ого мая, сопровождавшийся массовыми драками с полицией («первое открытое столкновение полиции и иммигрантов» — гласила первая полоса ежедневной консервативной газеты «Катимерини») и погромами (были сожжены десятки автомобилей, несколько банков и магазинов), не был результатом глупости ещё одного ничтожного мента, который решил разорвать один исламский молитвенник, или результатом исламистской идеологии иммигрантов (распространенность которой, конечно, глупо отрицать), как хочет нас убедить зрелище⁴. Нет, это прямой результат сочетания удушающего положения, уготовленного для нелегалов, и опыта, приобретенного во время декабрьских событий.

³ Операция «Метла»: полицейская облава, которая сопровождается массовыми арестами и депортациями иммигрантов (иногда применяется против неформалов). Берет начало с конца пятидесятых. Тогда мишенью полиции были проститутки и мелкие наркоторговцы. (прим. пер.)

⁴ Показательно, что Общество Мусульман Греции осудило беспорядки, заявив что они были спланированы экстремистами, и призвало мусульман, которые пристрастны к вандализмам, покинуть Грецию.

«Всеобщее Собрание Восставших Рабочих»

Захват здания ГСЭЕ¹ отражает противоречие между силой и ограниченностью восстания. Изначально инициатива исходила от синдикалистов² (главную роль играл низовой профсоюз водителей мопедов³), которые в общественных беспорядках видели благоприятную возможность усилить свои профсоюзы «зрелищным» актом⁴. Тем не менее, захват выражал стремление восставших пролетариев «довести» восстание до рабочих мест. То же стремление расширения восстания выразилось в предыдущие дни в захватах мэрий и других государственных учреждений в кварталах/пригородах Афин и в отдельных провинциальных городах.

Таким образом, с самого начала захвата здания ГСЭЕ, синдикалистам противостояла радикальная тенденция прекаризованных и обычных пролетариев, для которых этот захват представлялся единственной оставшейся возможностью включить сферу производства в общее восстание. Разумеется, обе тен-

¹ ГСЭЕ: Генеральная Конфедерация Рабочих Греции, самая крупная официальная профсоюзная организация в Греции. Аббревиатура названия Всеобщего Собрания в захваченном здании конфедерации была тождественна аббревиатуре ГСЭЕ. (прим. пер.)

² Греции не существует различия между синдикалистами (радикальными, революционными или анархо-) и тредюнионистами (профсоюзами). Все называются синдикалистами. Исторически так сложилось что в Греции почти никогда не было революционного профсоюзного движения. Было много массовых выступлений профсоюзного движения, которые подавлялись очень жестоко, но они не имели чётко выраженного революционного характера (и если, кое-где, они приобретали этот характер, то против воли профсоюзников). С двумя исключениями: в 1908г. в Салонике (ещё оттоманской) была учреждена Социалистическая Рабочая Федерация («Федерасион»). Она просуществовала до 1918г. Её главные деятели придерживались анархо-социалистических взглядов. Параллельно, существовало ещё одно анархо-синдикалистское течение, главным деятелем которого был К. Сперос. Оно было инициатором учреждения Рабочего Центра Афин в 1910г. Оно также приняло участие в учреждении ГСЭЕ в 1918г. Просуществовало до середины 20ых годов и исчезло под натиском сталинизма.

Сегодня существуют некоторые низовые профсоюзы в сфере обслуживания которые не подотчётны никакой (кон)федерации и пытаются активно защищать права работающих. Деятели таких низовых профсоюзов могут придерживаться или нет радикальных взглядов, но как правило, их взгляды классовые (см. дело Куневой). Когда в тексте говорится о низовых синдикалистах или низовых профсоюзах, имеется в виду это. (прим. пер.)

³ Это греческое своеобразие, главным образом, в сфере обслуживания. Много компаний используют водителей мопедов для быстрой доставки покупок и заказов на дом, для разноски корреспонденции и прочих нужд. Это чисто прекаризованная, плохо оплачиваемая и рискованная для жизни работа. Этот синдикат, как и синдикат работников книжной торговли, один из наиболее классово настроенных низовых профсоюзов. (прим. пер.)

⁴ Как оказалось, они планировали двухдневный захват, который должен быть окончиться на второй день, когда профсоюз водителей мопедов объявит 24х часовую забастовку.

денции критиковали основное бюрократическое объединение трудящихся Греции, но их тождество касалось только этого⁵. Поборники автономного синдикализма утверждали, в разрез с самим содержанием восстания, рабочую идентичность захвата и стремились (безуспешно) принизить революционную роль неработающих инсургентов. Противоречивый синтез двух противоположных тенденций нашел свое отражение в названии этого собрания: Всеобщее Собрание Восставших Рабочих.

Захват ГСЕС показал *невозможность расширения восстания*. Через оккупированное здание ГСЕС прошло несколько тысяч работников, в собраниях поучаствовало более пятисот человек, но вряд ли можно сказать, что хоть толика этих пролетариев приняла активное участие в этом мероприятии. Люди в основном просто «прощупывали» ситуацию, но активно не вовлекались в процесс, так как чувствовали, что он носит профсоюзный характер. Но вместе с тем, участники оккупации не выдвигали требований; это противоречие часто приводило дискуссии к хаосу. Плюс к этому, интервенции, которые проводились на рабочих местах (в кол-центре ОТЕ — Организации Телекоммуникаций — и одной компании зондирования общественного мнения), не достигли своей цели, то есть не смогли блокировать производство.

Захват здания ГСЕС длился пять дней. Некоторые синдикалисты уже со второго дня (в день завершения их плана — см. прим. 14) начали пытаться блокировать продолжение оккупации в противовес испытываемой большинством захватчиков нужды продолжить действие *без какой-либо профсоюзной/требовательной цели*. Правда, стоит отметить, что и среди синдикалистов нашлись товарищи, которые поддержали антисиндикалистскую тактику продолжения захвата без требований.

В последний день захвата была проведена первая демонстрация солидарности с арестованным мятежниками. С этого момента ситуация пошла на спад и вошла в фазу «послемятежных действий». Несколько сотен захватчиков образовали «Собрание солидарности с арестованными», действовавшее на протяжении двух месяцев, пока не выродилось. Другим важным послемятежным явлением был захват офисов государственной транспортной компании ISAP в ответ на покушение на К. Куневу (болгарскую эмигрантку, лидера профсоюза клининговых компаний). Этот захват имел прямое отношение к оккупации ГСЕС, так как большинство ее участников вновь встретились в захваченном здании ISAP. Сосуществование двух антагонистических тенденций — синдикалистской и антисиндикалистской — в этом мероприятии проявилось с ещё большей ясностью. В последовавших затем захватах Рабочих Центров⁶ в Пат-

⁵ В дискуссии, которая была организована в оккупированном здании ГСЕС с темой: «1918 — 2008: ГСЕС против рабочей борьбы», эта бюрократическая организация подверглась сокрушительной критике. Однако по поводу самого синдикализма позиции разошлись.

⁶ Рабочие Центры: локальные бюрократические межотраслевые профессиональные союзы. (прим.)

рах, Салоники и в других провинциальных городах преобладала тенденция низовых синдикалистов.

пер.)

**«Каналы, дни вашего общества
сочтены,
мы взвесили его прелести и его правоту
и нашли их недостаточными»
(выдержка из листовки)**

Реструктуризация, которую на Западе капитал начал в семидесятые годы, а в Греции в середине восьмидесятых, раздробила рабочий класс, поэтому вполне очевидно, что и классовая борьба не может не характеризоваться этой раздробленностью. Орудие реструктуризации теперь обращается против самого капитала; Декабрь 2008г был отродьем поражения требующей рабочей борьбы последних двадцати лет. Репрессии как (провальный) метод приурочения молодёжи, прекаризация самой жизни, массовый приток иммигрантов и использование их как осадного тарана для дальнейшего ухудшения и флексибилизации условий труда — всё это воплотилось в оспаривающей и делегитимирующей пуле, которая вышла из оружия мента бога декабря 2008г.

Ограничением восстания стало то, что оно не распространилось на рабочее место. Этот факт прямо вытекает из состава участников. Сворачивание восстания не может быть объяснено тактическими ошибкам; если они на что-то влияют, так это на особенности и на скорость отступления. В восстании не приняли участие (за исключением крошечного меньшинства) «стабильные» работники. Как можно было приостановить производственный процесс, когда большинство инсургентов либо постоянно балансировали на грани между безработицей и работой либо ещё только готовились стать рабочей силой? Провалившееся слияние этих двух миров посредством всеобщей забастовки 10го декабря показало, что сегодняшний бунт (главным образом, нестабильных работников) не может стать всеобщим. Впрочем, и прошлогодняя борьба значительной части стабильных рабочих против реструктуризации системы социального обеспечения показала, что бунт не может вырасти из всеобщей забастовки (в которой участвуют в основном «стабильные»), выражающей преимущественно интересы одной части класса, которая ещё ощущает себя «трудоустроенной» и защищается, то есть чувствует, что ей есть ещё что терять.

Последекабрьское развитие событий также проливает свет на причины, по которым в данный исторический момент классовой борьбы восстание не смогло стать всеобщим. Во всех отраслях производства между работниками старшего поколения, «стабильными» в основном, и молодыми работниками, связанными «новыми трудовыми отношениями», постоянно возникают кон-

фликты, иногда доходящие до насилия¹. Когда капиталистический кризис обостряется, а предлагаемые капиталом рабочие места сокращаются, пролетарии начинают бороться между собой за эти места. В Греции, а равно и во Франции, Британии, Бельгии, мы видим возникновение нового течения, течения «дикого» низового синдикализма, которое описывалось выше на примере захвата зданий ГСЭЕ и Рабочих Центров. Но дело в том, что капиталистический полюс использует даже и свой кризис для дальнейшей флексибилизации труда и для атаки на воспроизводство пролетариата, поэтому эти маргинальные синдикалистские выступления (которые балансируют вынужденно на грани легитимности) никогда не смогут иметь *успех для всех без исключения* участвующих в них работников. Хотя мы находимся ещё на ранней стадии развития этой тенденции, все указывает на то, что результатом современных синдикалистских выступлений станет распространение раздробления также и между прекаризованными рабочими. Конечно, всегда есть вероятность того, что движение прекаризованных создаст бреши в профсоюзах стабильных работников и что радикальные меньшинства найдут возможность освободиться в борьбе от моделей поведения, которые неизбежно воспроизводит профсоюзная структура. Но, если даже и так, имеет ли профсоюзная борьба какие-то перспективы? Очень сомнительно, ибо (не)возврат капитала к социал-демократической стратегии это не вопрос случайного соотношения сил, а вопрос исторический — то, что мы имеем, это результат накопления классовой борьбы прошлого и реструктуризации капитала после окончания обширных классовых баталий шестидесятых-семидесятых годов. Ясно, что мы переживаем критический исторический период, что перед нами стоит либо перспектива уничтожения капитала, либо углубление его господства. Развитие ситуации зависит от многих факторов и лишь не многие из них нам дано сегодня понять.

Общее историческое движение прекаризации жизни рабочего класса в событиях декабря показало как свою силу, так и свои ограничения. В будущем эта тенденция как стратегия со стороны капитала, вероятно, продолжится. Мы убеждены, что профсоюзная борьба ведёт к дальнейшему делению и расщеплению пролетариата и что она, в общем, не будет иметь успеха.

Быть может, борьба разных частей всё более и более прекаризованных работников и безработных будет становиться всё больше и больше борьбой против самого капитала, как это уже выразилось в Греции в декабре 2008 г. хоть и меньшинствами, но в масштабах всей страны. Быть может, «опасный класс» выйдет на авансцену, и рабочие места начнут подвергаться постоянным атакам, вдобавок к государственным учреждениям, которые и сейчас

¹ Недавно, на съезде ОМЕ-ОТЕ (профсоюз работников ОТЕ — Организации Телекоммуникаций Греции) делегацию свежечреждённого низового синдиката работников-контрактников кол-центра ОТЕ пинками выгнали на том основании, типа «Мы вас не знаем, кто вы такие».

чувствуют себя не важно, так как, сколько ментов не нанимай, их всегда будет не хватать. Восстание снова предстанет перед нами.

Некоторые из участвующих в декабрьских событиях 2008 г. в Греции

O Blaumachen

Группа Blaumachen была образована в июне 2005го года в Салоники. Слово «blaumachen» пришло к нам из опыта борьбы немецких пролетариев и примерно означает «сачковать», «бездельничать». Участники проекта вместе участвовали в различных социальных конфликтах и совместно работали в составе коллектива Tristero. Необходимость свержения капиталистического строя вынудила нас шагнуть за пределы Tristero.

Как человеческие существа, постоянно сталкивающиеся с объективной реальностью капитализма, мы исходим из того, что труд, стоимость и прибыль в сегодняшнем мире определяют сущность наших жизней. Мы утверждаем, что капитал — это не просто вещь, это социальное отношение, и мы верим, что только осмысливая реальность в классовых терминах, мы можем внести практический вклад в социальную борьбу. Теория, как конкретная критика тотальности капиталистического мира, — это орудие в нашей борьбе против капитала. Теория также является практикой, ибо единственное практическое решение наших проблем — это низвержение капитала.

Капитал — это современная форма классового господства. Это противоречивое социальное отношение, что отражается в его периодических кризисах. Мы понимаем кризис как результат пролетарской борьбы. Но кризис это не только разрушение, это также и возможность для реструктуризации капитала. Капитал тоже ищет решение в этой борьбе, пока та не выходит за свои рамки. Классовая борьба — это движущая сила истории, и она постоянно трансформирует капитал. Пролетарская реальность противоположна ей. С одной стороны, мы просто эксплуатируемый материал, с другой — мы это потенциал отрицания мира капитала, мы — революционный класс.

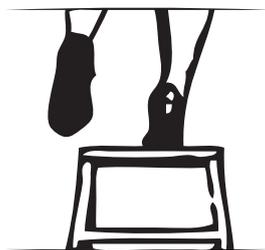
Капитализм — это преходящая форма общественных отношений, она может быть преодолена. Пролетарская революция, субъективная власть класса, будет штурмом неба, уничтожением самого пролетариата.

Коммунизм — это революционное движение пролетариата, низвергающее капитал. Коммунизм — это непрерывное движение, выходящее за пределы нашей борьбы и устраняющее все разделения между нами. Коммунизм — это не честная экономическая организация общества; это отношения и действия, несущие в себе человеческую коммуну. В этом смысле мы и называем себя коммунистами.

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

21 мая 2012

Влаутачен

Декабрь 2008, Греция: сила и ограниченность нашей борьбы

2009

Сохранено 31 января 2012г. из revsoc.org